

23 февраля 1954 года в Москве на Пленуме ЦК КПСС было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Было намечено распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны не менее 43 миллионов гектаров земель. Так был дан старт грандиозному аграрному проекту.

Из воспоминаний Н.С. Хрущева, первого секретаря ЦК КПСС с 1953-го по 1964 год:

«Мы стали искать новые возможности увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Наметился единственный выход – ввод дополнительных площадей в севооборот через поднятие целинных и залежных земель <...> Собственно, выбора способа ведения хозяйства у нас не было. Хлеб был нам нужен не завтра, а буквально сегодня».

На освоение целины было направлено почти 1 млн человек. Строительство жилья, дорог, мастерских для ремонта техники и зернохранилищ велось в авральном режиме.

«Объезжая целинные поля, я видел много такого, чего не хотел бы видеть. Когда убирали хлеб, то ссыпали зерно прямо на землю; при перевозке происходили большие потери. Токов не было, складов не было, не хватало вообще простого брезента. Пшеницу на земле

прикрывали кое-как, а чаще всего, к сожалению, вовсе не прикрывали. Рабочей силы не хватало, и поэтому потери были колоссальные», – из мемуаров Н.С. Хрущева.

В 1954–1961 годах на освоение целины было направлено 20% всех вложений СССР в сельское хозяйство. Во второй половине 1950-х годов целинные земли дали половину всего зерна, выращенного в СССР. В последующие годы урожайность снизилась до 25-40%. Целина как источник стабильного роста сбора зерна не оправдала ожиданий и, по многим оценкам, задержала перевод сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Менее чем через 10 лет, в неурожайном 1963 году СССР впервые в истории страны пришлось закупать хлеб за границей.

История освоения целинных и залежных земель ещё ждёт своих исследователей.

Владимир Лазарев: «Слава богу, что вернулись с целины живыми!»

В совхозе имени Чапаева обеденный перерыв. Сентябрь 1956 года

Кандидат технических наук, доцент, ветеран Ульяновской сельхозакадемии Владимир Иванович Лазарев в 1956-м и 1958 годах в составе студенческих отрядов работал на целине.

Летом 1956 года мы окончили первый курс факультета механизации. После летней сессии нас собрали в актовом зале второго корпуса. Приехал какой-то важный человек из областного начальства и стал нам говорить о нашем долге перед Родиной, о том, что мы должны поехать на уборку целинного урожая.

Причём сразу сказал: принцип – добровольно-обязательный. Расшифровывалось это так: кто хотел, те ехали добровольно, а кто не хотел – обязательно. *(Смеётся.)* Ещё этот начальник говорил о том, как много там платят, какая там вкусная еда. (Запомнилась его фраза: «Кто хорошо работает, съедает по 2-3 порции».) В результате большинство из нас поехали совершенно добровольно, был определённый энтузиазм.

На сборы нам дали дня четыре. Сельские ребята съездили домой, собрали вещички, и в установленный

день мы все пришли на станцию «Ульяновск-1» (старый вокзал), где нас ждал эшелон, состоящий из товарных вагонов-теплушек. В вагоне были трёхъярусные голые нары. Низкий поклон моим родителям (царство им небесное), они буквально силой всучили мне ватное одеяло и кирзовые сапоги. Вот это одеяло и спасло, на нём мы и лежали. Но было тепло, даже жарко. Дверь товарняка была всё время открыта.

В пути нас довольно неплохо кормили. Запомнилась стоянка в Уфе. По радио объявляли: будьте внимательны, здесь много жуликов, как бы у вас чего-нибудь не стащили. Ехали тихо-мирно, особых пьянок не было. Запомнилось, что когда переезжали через Урал, мелькнул столб, на котором было написано: с одной стороны – «Европа», с другой – «Азия».

На току. Август 1956 года

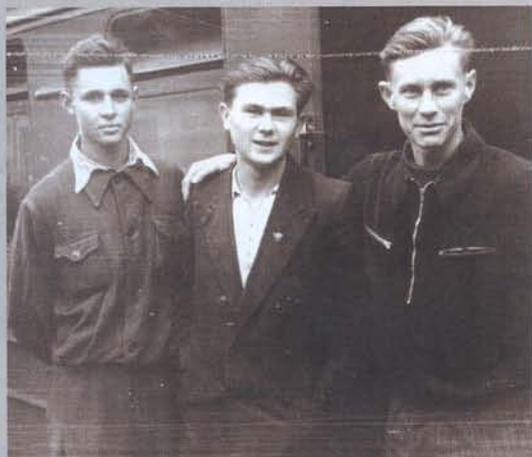
Утро в казахстанской степи. Иногда, чтобы экономить время, ночевал в соломе рядом с комбайном. Однажды вдалеке видел трёх волков. Не съели однако...

Отъезд из Ульяновска в Казахстан. Вот в этих вагонах нам и предстояло ехать. Ничего, мы – мягкие!
21 июля 1956 года

Целинные будни. Во время шприцевания этого комбайна я чуть не потерял руку. Сентябрь 1958 года

Возвращаемся с целины: я (слева), Юрий Попков, Виктор Бердников. 2 октября 1958 года

На обратном пути – остановка в Саратове

Прибыли в Кустанайскую область, Пресногорьковский район, мясовхоз имени Чапаева. Туда доехали на машинах, разместились в каком-то клубе (там говорили: в клубу): опять были только голые нары. Потом уже выдали кое-какие постельные принадлежности.

Наутро пошли на работу. Жара за 30, пекло. Нам сказали, что нужно выкопать траншею под фундамент (метров 100 длиной) будущей ремонтной мастерской. Дали кирки, потому что лопата в эту целинную землю не лезла. Сначала нужно было киркой раздолбить, потом лопатой этот грунт выгрести. Копали траншею 50 сантиметров шириной, каждому дали норму – два с половиной метра длины.

Где-то после метра глубины стало чуточку полегче, пошёл суглинок. Остро отточенной лопатой можно было миллиметров по пять-восемь срезать грунт и выбрасывать. Тем, кто как я, худеньким и стройненьким, было проще. А на тех, кто был поплотнее, смотреть было страшно: в эту щель они едва пролезали, оцарапывали руки и плечи.

Кормёжка была из рук вон плохая. Зав. столовой был какой-то ссыльный, а поваром – отпетый жулик, грузин, который потчевал нас одним рисом и приговаривал: «Рис залэжалый... Но кушать можно». Конечно, можно, если на него не смотреть, а ложкой черпануть – кинуть в рот и быстро запить бурдой под названием «чай» – пока обратно всё не выскочило.

Несмотря на то что это был мясовхоз, мяса давали микроскопические дозы. Привезённые с собой деньги быстро кончились и есть нам стало не на что – никакой зарплаты не давали.

Мы устроили забастовку – день сидели, ничего не делали. Тогда нам выписали небольшой аванс. Примерно месяц мы долбили эту траншею. (Между делом куда-то ездили за песком.) Когда эта работа была закончена, нас разбросали группами по отделениям совхоза. Стали мы скирдовать сено, никто из нас этого делать не умел. Но, слава богу, нашёлся среди нас один деревенский парень (Саша Борисов, он был старше нас), он стоял наверху и кое-как мы эти скирды «лепили».

Что можно вспомнить приятно... Когда было тепло, ходили купаться на озеро, оно было мелкое. Выйдешь рано утром на берег и такой аромат степных трав – изумительный.

А дальше было как в сказке: чем дальше, тем страшнее. Пришёл сентябрь, начались дожди. Нас стали водить на ток – на обработку зерна. Работали в две смены: первая – с утра до восьми вечера, вторая – с восьми вечера до двенадцати ночи. Еда была чуточку получше, но тоже отвратительная (баланда какая-то). Мне кажется, что заключённых кормили лучше.

Жили в полуразрушенном одноэтажном здании с выбитыми окнами. Начались холода... Зерна на току было море. В жизни столько не видел. Бурт по ширине метров 15-20, в высоту – сколько зернопулт кидает (метра три с лишним) и в длину до ста метров. Тысячи и тысячи тонн зерна.

Ребята ездили на машинах, отвозили зерно на станцию Пресногорьковка, и там видели на эшелонах надписи латинскими буквами: Болгария, Румыния, Венгрия... Но весь урожай вывозить не успевали.

Увы, пошли дожди, зерно стало «гореть». Нас поднимали среди ночи: «Давай-давай, надо спасти хлеб!» Мы его лопатили, но толку было мало, всё равно зерно «горело».

Энтузиазм наш окончательно угас. До смерти хотелось домой. Но отпустили нас только 7 октября. На прощанье перед отъездом каждому дали по буханке хлеба из нового урожая. Изумительно вкусного, но только по одной. (Смеётся).

Заплатили нам какие-то гроши, примерно в размере стипендии. Обратились уже в нормальных плацкартных вагонах (правда, было очень тесно, и третьи полки были забиты). Через два

дня после приезда пошли на занятия, долго догоняли программу, было по восемь учебных часов.

После третьего курса, летом 1958-го, нас снова, по тому же принципу, отправили на целину. Но здесь было уже лучше. Это – Западноказахстанская область, совхоз «Ульяновский», для нашей области – подшефный.

Сначала нас повезли в город Уральск, брать комбайны. Там было целое кладбище машин. Из этих разбитых в дребезги комбайнов мы стали собирать что-то путёвое. Собрали около 15 агрегатов, на каждый – по два человека. (Мне в напарники попал Женя Матвеев, до института окончивший Рязановский совхоз-техникум). Из Уральска в совхоз вернулись на своих комбайнах.

Стали работать, но наш с Женей комбайн скоро окончательно сломался, и меня перебросили в другое отделение сменным комбайнёром. Дня не прошло, как у комбайна, к которому меня прикрепили, сломалась полуось. Куда меня девать? Подошёл бригадир: «Ну что мне с тобой делать? Ты же ведь в копнильщики-то не пойдёшь?» – «Почему не пойду? Пойду».

Стал я работать копнильщиком, на комбайне С-6. Это крошечный ад! Впереди трактор, он тащит прицепной комбайн, я на нём, идёт солома, и мне нужно вилами её всё время перемещать и готовые копны сбрасывать. Пыль, грязь, ветер. Работали иногда до часу ночи. Там я впервые увидел, как самоабвенно трудятся люди.

Комбайнёр у нас был казах, фамилии, конечно, не помню. У него была многодетная семья, и он стремился во что бы то ни стало побольше заработать. Чтобы не простаивать в поле (аварийную «летучку» не дождёшься!), он возил с собой чуть ли не полкомбайна запчастей. Работали до 12 часов ночи, план всё время перевыполняли.

Потом в совхоз «Ульяновский» приехали комбайнёры с Крыма (они у себя уборку уже закончили). Меня поставили помощником к одному из них. А потом я выбился и в комбайнёры.

Чтобы не терять времени, иногда ночевали в поле. Несколько раз в лунном сиянии приходилось видеть волков. Попадались змеи гадюки. Здесь мы заработали уже побольше – примерно по две стипендии. Кому-то даже дали медаль, кого-то грамотой наградили, кому-то в подарок вручили рубашку.

Посевные площади были гигантские, урожаи – колоссальные, даже по нынешним временам – за двадцать

центнеров с гектара. Но тогда уже специалисты говорили: нужен севооборот, нужна безотвальная обработка почвы. К этому не прислушались. А потом начались пыльные бури, когда на огромных территориях выветривался весь плодородный слой.

Мой одноклассник Гена Алёшин (учился на агрофаке) после института получил направление на целину, быстро вырос до директора совхоза и потом рассказывал: ближе к 1970-м годам на целине начались пыльные бури, а урожайность упала до 6-8 центнеров с гектара.

Видели вдоль железной дороги гигантские бурты зерна – под открытым небом. Мы спрашивали: «А что будет с этим зерном?» Нам отвечали: «Долежит до первых белых мух, а дальше – рельсовый способ уборки». – «Как это?» – «К трактору цепляем рельс и айда-пошёл разравнивать. Снежком присыпет – вот и уборке конец».

...Вшей, к счастью, не набрались, но с техникой безопасности была беда. Инструктаж никакой не проводили, нам только дали расписаться в каких-то бумагах. Все ходили в мелких ушибах и ссадинах, а некоторые ребята покалечились.

Гене Коркину из второй группы сильно придавило руку. Чуть не кончилась трагедией попытка Юлика Николаевского самостоятельно прочистить соломотряс. Влез в механизм молотилки, а комбайнёр Петя Калбутов, ни о чём не подозревая, включил в это время муфту сцепления. Хорошая физическая форма помогла Юлику не погибнуть, а только получить травму. Недели две потом он лежал в больнице. А я однажды во время шприцевания комбайна едва не потерял руку.

В общем, когда я вспоминаю о целине, то всегда думаю: «Слава богу, что вернулись живыми».

...Отпустили нас тоже только в октябре. Было уже холодно, на озере по утрам стоял ледок. Но тем не менее хотелось порадовать родимую мамушку (отец уже год как ушёл из жизни). Сплавал, сорвал белые кувшинки – довёз их до дома...»

Записал
Геннадий Дёмочкин

Эти и другие воспоминания ульяновцев войдут в многотомное издание «Антология жизни». Вы можете связаться с автором по телефону 8-9510-95-74-35